

*БАТАЛОВА Яна Владимировна, аспирант кафедры онтологии и теории познания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0814-1129>

РОЛЬ ВООБРАЖЕНИЯ В АКТЕ ВОСПОМИНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ XX века

В статье исследуется роль способности воображения в работе памяти на материале европейской философии XX века. Показано, как в истории мысли менялась концепция воспоминания как процесса, испытывающего влияние воображения, а именно: каким образом воспоминание могло быть актуализировано в сознании. Тематизации роли воображения применительно к познавательным актам мы обязаны по преимуществу И. Канту, который начинает понимать воображение как способность самостоятельного представления и наделяет ее ключевым значением для возможности познания как такового. По этой причине работу предваряет краткий анализ соответствующих идей Канта, которые в дальнейшем так или иначе развивались европейскими философами. Далее представлен сравнительный обзор концепций памяти в XX веке и рассмотрены их точки соприкосновения на материале интуитивизма А. Бергсона, феноменологии Э. Гуссерля и философии жизни М. Мамардашвили. Автор предпринимает попытку проследить преемственность и пересечение основных идей перечисленных концепций воображения и памяти, что позволит понять, почему надделение воображения значением для воспоминания и анализ гносеологического аспекта проблемы дают возможность более остро ставить вопросы о соотношении материи и сознания, а также статусе воспоминания как сконструированного, модифицированного, находящегося в постоянном изменении опыта сознания. В статье представлены ответы А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Мамардашвили на вопрос о возможности различения воображения и воспоминания. В ходе анализа делается вывод о том, что в процессе воспоминания неизбежно задействуется воображение, что дает основания считать современные конструктивные теории памяти (К. Микаэлян, Я. Хакинг, Э. Гамильтон) наиболее перспективными на сегодняшний день, поскольку в их рамках вновь поднимаются вопросы о статусе памяти по отношению к воображению, а также проблематизируется возможность обращения к памяти как к источнику знания.

Ключевые слова: *западная философия, А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Мамардашвили, познавательный акт, конструктивная память, воображение в акте воспоминания.*

*Адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; e-mail: yanabatalova@rambler.ru

Для цитирования: Баталова Я.В. Роль воображения в акте воспоминания в западной философии XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 95–103. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.95

Тема памяти, воспоминания, их соотношения с восприятием и представлением разрабатывалась в западноевропейской философии со времени ее зарождения. Вопросы о том, стоит ли при этом разделять понятия памяти и воображения и насколько второе вовлечено в процесс воспоминания, а также следует ли воспринимать их как части одного общего явления или же их следует разделять и уделять этому разделению особое внимание, ставились еще в сократической философии Платоном, Сократом и Аристотелем. В схоластике, а также в философии Нового времени большее внимание уделялось проблеме времени как такового и вопросам его объективности, а также процессу внутреннего времени, которое, например, стало предметом тщательного изучения Аврелия Августина [1], чьи идеи во многом повлияли на развитие феноменологического метода.

В статье предпринимается попытка проследить динамику развития концепции воображения и той роли, которую оно играет в обращении сознания к воспоминанию. В концепциях, что мы рассмотрим ниже, воспоминание трактуется не как некий статичный элемент, который находится в сознании и к которому всегда можно обратиться. Напротив, в каждой из них воспоминание предстает как процесс, содержание которого находится в постоянном изменении. Следовательно, то, как происходит обращение сознания к вновь воссозданному воспоминанию, требует прояснения. Кроме того, мы увидим, что именно форма воссоздания воспоминания является связующим звеном сознания и окружающего мира. Воссоздание воспоминания становится причиной, по которой возможен процесс познания как таковой. Главной задачей предлагаемого анализа выступает ответ на вопрос: возможно ли воссоздание воспоминания без взаимодействия с воображением? Если это не так, то в современных исследованиях следует пересмотреть наиболее влиятельную концепцию памяти – как пассивного хранилища, связанного с сознанием настоящего причинно-следственной связью. Аргументы в пользу данной теории изложил

Макс Дойчер в статье «Вспоминая “воспоминание”» [2].

В работе будет показано, что ставить вопрос о памяти как источнике знания можно лишь в случае определения ее отличия и взаимосвязи с такой когнитивной способностью человека, как воображение. Если указанные процессы действительно влияют друг на друга и обладают общими чертами, то это будет означать, что следует отказаться от каузальных теорий в том виде, в котором они были изложены.

Обращаясь к истокам метафоры хранилища, вспомним о том, что первым, кто сравнил память с хранилищем образов, был Аврелий Августин. Описывая восприятие и то, как мы имеем дело с воспринятым, Августин прибегает к понятию образа как к тому, с чем имеет дело наше сознание, когда обращается к памяти: «...прихожу к равнинам и обширным дворцам памяти, где находятся сокровищницы, куда свезены бесчисленные образы всего, что было воспринято. Там же сложены и все наши мысли, преувеличившие, преуменьшившие и, вообще, как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства» [1, с. 220]. Современные исследователи философии сознания [3], которые работают в русле теории соответствия (подробнее см.: [3]), используют похожую метафору, говоря о памяти как о «хранилище», где содержится, кодируется и расшифровывается при повторном получении вся воспринятая человеком информация.

Для Августина же образы, которые лежат «в сокровищнице памяти» – это своего рода «отпечатки», остающиеся после восприятия: «И, однако, мы не могли бы говорить о них [воспринятых в прошлом чувствах], не найди мы в памяти своей не только их названий, соответствующих образам, запечатленным телесными чувствами, но и знакомства с этими самыми чувствами, которое мы не могли получить ни через одни телесные двери. Душа, по опыту знакомая со своими страстями, передала это знание памяти, или сама память удержала его без всякой передачи» [1, с. 220]. Таким образом, мы имеем дело с образами-отпечатками,

само обладание и возможность оперировать которыми представляют собой процессы, отличные от телесного восприятия. Однако механизм извлечения воспоминаний из «хранилища» памяти Августин не описывает, поэтому невозможно определить, чем репрезентация содержания явится сознанию в результате процесса воспоминания.

В Новое время в классической философской традиции, например в трансцендентальной философии Канта, основным интересом для исследователя также представляла теория времени, которое использовалось им для того, чтобы определить трансцендентальную схему с помощью воображения и его способности к синтезу. Кант впервые описывает процесс порождения образов как ключевой для познания, потому перечислим основные понятия, вводимые им для этого, что поможет нам проследить влияние его идеи на исследователей XX века.

Кант уже выделяет различие процессов восприятия и внутреннего чувства, а также называет чувственность способностью, порождающей образность, которая, в свою очередь, синтезируя, может участвовать в формировании представлений и инициировать их. В рукописном наследии Канта говорится о познавательных способностях души, при этом способность представления, перечисленная наряду со способностью желать и способностью испытывать чувство удовольствия и неудовольствия, определяется и как низшая, и как высшая познавательная способность. Под низшей в данном случае имеется в виду природная способность человека представлять что-либо в сознании, а высшая «есть способность самостоятельного порождения представлений» [4, с. 141]. Именно активное воссоздание образов в сознании вызывает у нас особый интерес, т. к. его содержание и механизм действия могут быть, по нашему мнению, неотличимы от воспоминания.

Чтобы понимать, как может работать механизм выстраивания образа у Канта, необходимо определить, что философ подразумевает под его содержанием. Описывая процесс восприятия и изучения человеком окружающей действительности,

Кант выделяет возможность сознания создавать чувственные образы – именно в этом заключается интересующая нас образная способность, а точнее, умение изображать, имагинировать, а также предвидеть [4, с. 142]. В своей работе Кант настаивает на употреблении понятия «имагинация», указывая на ошибочность употребления вместо него понятия «воображение» [4, с. 146]. «Она [образная способность] – способность создавать познания исходя из нас самих, которые однако при этом заключают в себе форму аффицирования наших чувств предметами» [4, с. 145]. В то время как мы изображаем и представляем, мы имеем дело с образами, и здесь интересно то, что Кант выделяет «вторичные» и «предшествующие» образы: «К примеру, когда я вижу город, душа формирует в себе образ предмета, который она имеет перед собой, пробегая многообразное... Душа должна провести множество наблюдений, чтобы изобразить предмет, изображая его с каждой стороны по-другому. К примеру, утром город выглядит иначе, нежели вечером. Таким образом, существует множество явлений одной вещи сообразно различным сторонам и точкам зрения. Из всех этих явлений, собирая их вместе, душа должна создавать себе изображение» [4, с. 146]. Как мы видим, способность изображения предполагает возможность анализировать полученную информацию, но в какой же момент мы обращаемся к чувственным представлениям, и являются ли они релевантными для текущего восприятия? Если в процессе воспоминания задействуются мышление, анализ, оформление образа, то, следовательно, полученная в результате репрезентация испытывает на себе влияние работы воображения, т. е. подвергается перестраиванию, а значит, она может отличаться от первичного образа, хранимого в сознании. Процесс воспоминания здесь связан с воображением, при этом вопрос о том, каковы критерии их различия, остается актуальным.

Следует обратить особое внимание на то, как Кант рассматривает процесс воображения и в какой степени он опирается на воспоминание: «Я репродуцирую представления прошедшего

времени при помощи ассоциации, сообразно которой одно представление притягивает другое, поскольку оно сопровождало его. Это способность имажинации. Обычно ее неправильно называют способностью воображения, которая, однако, совершенно другого рода; ведь это абсолютно разные вещи – когда я воображаю дворец, виденный мною раньше, и когда я создаю новые образы. Последнее – способность воображения» [4, с. 146]. Получается, что для обращения к опыту прошлого нам недостаточно просто извлечь его из памяти, но необходимо запустить процесс ассоциации образов. Вопрос о том, может ли ассоциация воспоминания с восприятием считаться связующим звеном, помогающим в процессе репрезентации, требует отдельного изучения.

Гносеологические аспекты функций памяти в ее связи с воображением, если опираться на кантовское описание процесса познания, раскрываются в философских направлениях рубежа XIX и XX веков, например в интуитивизме А. Бергсона, в XX веке с развитием феноменологии и ее метода – в исследованиях Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ф. Брентано, Ж.П. Сартра.

Проанализируем концепции памяти как формы сознания в работах Бергсона и Гуссерля. В ходе анализа мы также будем обращаться к труду Поля Рикера «Память. История. Забвение» [5], в котором автор уделяет особое внимание тому, как образы могут существовать в воспоминании.

В «Творческой эволюции» Бергсон тематизирует роль творческого акта в процессе познания [6]. Что касается воспоминания, то ученый разграничивает понятия «вещь» и «представление» о вещи. Воспоминание у Бергсона является тем, что привносит субъективность в содержание акта познания, а возможность по настоящему «увидеть» предмет достигается путем отказа от элемента памяти в том виде, в котором он хранился в сознании. Иными словами, речь идет о наделении предмета значением, т. е. о творческой работе, заключающейся в переживании предмета в сознании. Поль Рикер рассматривает воспоминание и воображение в работах

Бергсона и анализирует описанный Бергсоном процесс перехода от «чистого воспоминания» к образу [5]. Чистое воспоминание хранится в нашей памяти до того, как мы к нему обращаемся. Воспринять воспоминание как образ прошлого становится возможно, если передать ему часть настоящего: «...как только прошлое становится образом, оно перестает быть чистым воспоминанием и вбирает в себя определенную часть моего настоящего. Воспоминание, актуализированное в образе, глубоко отличается, следовательно, от чистого воспоминания. Образ – это наличное состояние, и он причастен прошлому только опосредованно – через воспоминание, из которого он вышел...» [7, с. 242]. Таким образом, само воспоминание, не подвергающееся изменениям и не соприкасающееся с настоящим, для нас не может иметь значения и не может быть нами понято. Другими словами, мы можем иметь дело лишь с образом, который рождается в ходе актуализации воспоминания.

Бергсон актуализирует вопрос отношения воображения и воспоминания следующим образом: «Воображать – не то же самое, что вспоминать. Конечно, воспоминание, по мере того как оно актуализируется, стремится ожить в образе, но обратное неверно: просто образ, образ как таковой, не соотнесет меня с прошлым, если только я не отправлюсь в прошлое на его поиски, проследивая тем самым то непрерывное поступательное движение, которое привело его от темноты к свету» [7, с. 245]. Актуализация воспоминания, о которой говорит Бергсон, соответствует нашему представлению о творческой работе памяти. Похоже, что для извлечения образа и возможности обратиться к его содержанию недостаточно обладать им, необходимо проделать определенную работу.

Сравним концепцию Бергсона с тем, как описывает память Гуссерль в «Феноменологии внутреннего сознания времени» [8], и определим, можно ли в этих работах увидеть сходства в рассмотрении памяти. Гуссерль различает память и воспоминание, понимая под памятью «как таковую данность прошлого», а под

воспоминанием – некий процесс обработки и «схватывания» настоящего. У Гуссерля также присутствует понятие «фантазии», рассматриваемой как переживание, но не как предмет, обладающий содержанием. Обращаясь к предмету, субъект должен понимать его сущность, т. е. сознание направлено на предмет и при познании «домысливает» его. В работе Гуссерля «Фантазия. Образное сознание. Память» (см. об этом подробнее у П. Рикера: [6, с. 73]) акт изложения воспринятого сам определяется как фантазирование, которое неизбежно сопутствует любому осмысливанию феноменов, явленных человеку. При этом Гуссерль, как и Бергсон, не считает, что процесс восприятия и актуализации его в воспоминании различаются одной только степенью интенсивности и яркости. Это означает, что различие данных когнитивных процессов заключается в их качестве, а значит, требует критериев разграничения. Мы пытаемся показать, что перспектива обнаружения таких критериев появляется в случае признания взаимодействия работы воображения и воспоминания, а также признания конструктивной природы памяти.

Сравним описание воображения Бергсоном и Гуссерлем. Здесь также обнаруживается сходство феноменологической теории с описанием работы сознания у Бергсона, ведь воображение понимается Гуссерлем как способность сознания являть образы в представлении, т. е. под воображением понимаются процессы, происходящие в фантазии, – значит, само наделение предметности образностью и есть работа воспоминания. Ключевым свойством, наделяющим данную в сознании вещь возможностью быть изображаемой, выступает ее образность. Воспоминание, по Гуссерлю, участвует во всех этапах указанного процесса, т. е. отвечает за наделение образа актуальностью, ценностью, наполненностью.

Очень важно понимать, что при этом воображение или образы не помещаются Гуссерлем «внутри» сознания, они не существуют в нем, а являются в нем феноменально, вместе с тем

будучи неотделимо связанными с сознанием. Важнейшим этапом, в результате которого сознанию может явиться «полный образ», оказывается «объективация» сознания. Без этого этапа нет возможности связать предмет с его сюжетом и содержанием образа, отсылающего к конкретному предмету действительности, воспринятому ранее. Порождение образа возможно только в процессе переживания, ощущения, «о-сознания» сознанием своей предметности. Акт отсылки к прошлому в этом процессе играет важную роль, именно он позволяет отсылать сознание к нетождественному объекту, но связанному сюжетом образа и ощущением субъекта. Например, взгляд на фотографию заставляет нас вспомнить пейзаж и, возможно, какой-то сюжет, связанный с ним, хотя изображение на фотографии не тождественно ни природному пейзажу, ни разворачивающимся на его фоне событиям.

Таким образом, при некоторой схожести концепций воображения, его сопряженности с воспоминанием и роли в процессе познания особенность концепции Гуссерля состоит в том, что именно наделение воспоминания смыслом и формирование образа делают акт познания возможным для человека.

Для дальнейшего изучения связи воображения и воспоминания очень полезно описание процесса воображения в русле феноменологической теории – именно такую цель определяет Ж.-П. Сартр в своих работах «Воображение» и «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения» [9]. Сартр ставит под вопрос природу образа, утверждая, что способ существования объекта и образа не может быть одинаковым. «В противном случае “конституируется наивная метафизика образа, превращающая его в копию вещи”» [9]¹. Такая трактовка соответствует нашему тезису о том, что воспоминание не может находиться в сознании таким же образом, как объект находится в мире. Сартр в данном случае опирается на идею Гуссерля: «Интенциональность нацелена

¹За основу цитируемой публикации взят перевод В.М. Рыкунова, опубликованный в журнале «Логос».

на объект, который выступает коррелятом, а не содержимым сознания» [9]. Иными словами, мы не можем говорить о том, что объекты неподвижно хранятся в нашем сознании.

Сартр отмечает еще один шаг, который делает Гуссерль в развитии понятия образа, а именно полагание образа, который каждый раз должен быть воссоздан: «...в образном сознании вещи Гуссерль, как и в перцепции, различает имажинирующую интенцию (*intention imageante*) и “*hyle*”², в которую интенция вдыхает жизнь» [9]. *Hyle* и есть то воспоминание, которое можно сделать явным, лишь если направить на него способность сознания воображать.

Одна из последних по времени концепций, рассматривающих эвристические функции воспоминания в контексте его связи с воображением, принадлежит «философу жизни» М.К. Мамардашвили. Концепция этого соотношения изложена им в курсе лекций «Психологическая топология пути. М. Пруст “В поисках утраченного времени”» [10], где философ делает вывод о том, что Пруст ищет ответ на феноменологические вопросы, а именно: как мы переживаем опыт сознания, как на уровне сознания реализуется взаимное влияние воспоминания и воображения.

Для того чтобы понять особенности концепции воспоминания и роли воображения в нем у Мамардашвили, необходимо подчеркнуть, что познавательный акт он рассматривает в первую очередь относительно понимания человеком своего места в жизни; это понимание и есть познавательный акт, акт самопознания, совершающийся в процессе пути «прихождения к себе», дающего возможность для самореализации [10, с. 138].

Далее важно определить роль, которую в достижении указанной цели играет воображение. Во-первых, надо принять мысль Мамардашвили о том, что, даже представляя теоретические законы явления, мы не можем сказать, что что-то «знаем» о феномене. Это значит, что необходимо разделить понятия «знание» и «узнавание».

Так, зная что-то о любви и ее зарождении, можно не «узнать» ее, встретив на своем пути. То есть в самих содержаниях знания механизмы узнавания не присутствуют. Память же здесь рассматривается как свойство, «набор переживаний» для какого-то Я. Первой ступенью познания в таком случае становится процедура понимания себя как чего-то, до чего ничего другого не было. Здесь Мамардашвили видит декартовское *cogito*, которое стремится к той же операции. Наличие предмета еще не позволяет его познать – для этого необходимо переживание его в опыте. В данном случае предмет может считаться воспринятым. Только извлеченный из переживания опыт обуславливает познание. Именно здесь стоит сравнить забвение в феноменологическом анализе Рикера и Гуссерля с «забыванием», или «забытием», Мамардашвили: «Забываемое – это ад. Раз забываемое, значит, будет повторяться» [10, с. 111]. Опыт не извлекается, акт познания не совершается, и человек погружается в «дурную повторяемость», которая противоположна пониманию и работе с воспоминанием. Таким образом, воспоминание с извлечением из него опыта – путь к познанию.

Какую же роль играет в данном процессе воображение? Сама его природа связана здесь с творением, как и в рассмотренной выше концепции Бергсона. Причем задача этого акта – «срезать все наращенные конструкции», чтобы обнаружить подлинную реальность и притом «перестать верить в объективность того, что создано нами самими» [7, с. 138]. Феноменальность впечатления состоит в том, что оно вне своего содержания и причины должно явиться от предмета к субъекту, его испытывающему. Это определяется автором как «феноменологическое различение», «феноменологическая абстракция». «Представление причины, – говорит Э. Гуссерль, – закрывает то, что происходит на самом деле» [8, с. 136]. Впечатление не рождается в ходе передачи информации с помощью языковых средств или возвращении к усвоенным

²*Hyle* – субъективный материал, применяясь к которому, интенция трансцендирует себя и стремится уловить, например, красноту внутри себя.

фактам о действительности. Цельность восприятия, как мы видим, достигается лишь с помощью творческого акта, направленного на воспоминание. В то же время возможность познания появляется только в случае цельности восприятия.

Мамардашвили предпринимает попытку ответить на вопрос, поставленный Полем Рикером в работе «Память, история, забвение», о том, как соотносятся воспоминание и образ. Мамардашвили утверждает, что, не приняв форму образа, воспоминание не может помочь нам «узнать» что-то о действительности, и для этого нужно произвести в сознании феноменологическую абстракцию отделения объективного предмета от его причины и содержания. Образ связан для него с впечатлением, требующим сдвига понимания и отделения существования от причины: «Значит, мы установили, что нечто не имеет значения само по себе – в смысле: “общее значение” не существует в пространстве событий. Это так же, как – и эту метафору Пруста приводит Мамардашвили – “пустое лицо” в кубистской живописи» [10, с. 136]. Получается, что, если обратиться к воспоминанию как к объекту, который можно воспринимать вновь и вновь, мы получим «пустое лицо», т. е. не получим ничего. Только переживание единицы памяти заново, всегда с неким сдвигом, смещением, невозможным без работы воображения, позволяет нам что-то узнать об уже воспринятой действительности.

В современных психологических и философских исследованиях когнитивных способностей мозга человека широкое распространение получила симуляционная теория эпизодической памяти, т. е. памяти о прошлых событиях, пережитых конкретным человеком. Под симуляцией подразумевается способность сознания конструировать сценарий, содержанием которого может быть событие прошлого, гипотетически возможное событие, а также представление возможного события будущего. Куркен Микаэлян, сторонник радикального взгляда на конструктивную природу памяти, назвал данный процесс «ментальным путешествием во времени» и показал, что вопрос об отличии процесса

представления события прошлого от события будущего требует прояснения [11, с. 291]. Также он высказывает предположение о том, что воспоминание – это один из видов такого когнитивного процесса, как воображение. Микаэлян обращается к новым примерам, доказывающим, что критерий причинной связи воспоминания и пережитого опыта прошлого не всегда способен помочь различить воспоминание и продукт воображения и, следовательно, необходимо пересмотреть теории, где память предстает как пассивное хранилище информации [11, с. 189]. Одним из таких примеров может быть пациент, утративший доступ к воспоминаниям о своем прошлом, но способный моделировать и представлять гипотетические ситуации. Некоторые из его историй случайным образом могут совпадать с фактически пережитыми им ситуациями в прошлом. В указанном случае наблюдается причинная связь между описанным и действительно произошедшим событием. Однако это не дает оснований считать историю воспоминанием [11, с. 76]. Для того чтобы исследовать случай конкретного пациента, необходимо признать конструктивную активную природу памяти и ее связь с воображением.

Суммируя сказанное, можно перечислить некоторые общие выводы для всех рассмотренных концепций памяти: Бергсон, определяя акт познания как «жизненный порыв», указывает, что к нему ведет лишь осмысленное восприятие, формирующееся из образов, актуализирующихся в процессе воспоминания путем подчинения «логике творческого воображения»; Гуссерль также наделяет воображение исключительной способностью формировать образы и представления, и именно это свойство «образности» дает возможность познания, в чем прослеживается параллель с процедурами, описанными Бергсоном; Мамардашвили определяет познание как путь познающего к самому себе, вместе с тем феноменологическая абстракция производится, согласно Мамардашвили, именно посредством воспоминания, реактуализация которого невозможна без участия воображения, понимаемого

как способность творения в процессе отделения объекта от впечатления о нем. При этом впечатление может быть выявлено только в том случае, если воспоминание подвергается творческой обработке.

На основании представленного анализа концепций памяти, в которых затрагивался вопрос о взаимной обусловленности воспоминания и воображения и их роли в познании, становится очевидно, что сама постановка вопроса о роли воспоминания в получении истинного знания требует

правильного определения природы памяти и ее отличия от других когнитивных процессов. Поскольку в анализе показано, как воображение и память участвуют в познании исключительно во взаимодействии друг с другом, в качестве вывода предлагается определить конструктивную теорию памяти как единственно перспективное направление, в русле которого возможно продолжать изучение памяти и отвечать на вопросы о ее статусе, способе существования в теле и сознании, о функциях, а также содержании.

Список литературы

1. *Августин Аврелий*. Исповедь // *Августин Аврелий*. Исповедь. *Петр Абеляр*. История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 336 с.
2. *Deutscher M.* Remembering 'Remembering' // *Cause, Mind, and Reality: Essays Honoring C.B. Martin* / ed. by J. Heil. Boston: Kluwer Academic, 1989. P. 53–72.
3. *Depper C.* Metaphors of Memory: From Classical World to Modernity // *Memory in the Twenty-First Century* / ed. by S. Groes. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 27–37. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137520586>
4. *Кант И.* Из рукописного наследия: (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 752 с.
5. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
6. *Бергсон А.* Творческая эволюция. СПб.: Азбука, 2016. 383 с.
7. *Бергсон А.* Материя и память // *Бергсон А.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память. М.: Моск. клуб, 1992. 325 с.
8. *Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. 162 с.
9. *Сартр Ж.-П.* Воображение // *Логос*. 1992. № 3. С. 98–115.
10. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та: Журн. «Нева», 1997. 568 с.
11. *Michaelian K.* Mental Time Travel: Memory and Our Knowledge of the Personal Past. Cambridge: MIT Press, 2015. 313 p.

References

1. St. Augustine of Hippo. 'Ispoved' [Confessions]. St. Augustine of Hippo. *Ispoved' [Confessions]*. Pierre Abélard. *Istoriya moikh bedstviy* [Historia Calamitatum]. Moscow, 1992. 336 p.
2. Deutscher M. Remembering 'Remembering'. Heil J. (ed.). *Cause, Mind, and Reality: Essays Honoring C.B. Martin*. Boston, 1989, pp. 53–72.
3. Depper C. Metaphors of Memory: From Classical World to Modernity. Groes S. (ed.). *Memory in the Twenty-First Century*. London, 2016, pp. 27–37. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137520586>
4. Kant I. *Iz rukopisnogo naslediya: (materialy k "Kritike chistogo razuma", Opus postumum)* [From Manuscripts: (Materials for *The Critique of Pure Reason*, *Opus postumum*)]. Moscow, 2000. 752 p.
5. Ricœur P. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris, 2000. 675 p. (Russ. ed.: Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie*. Moscow, 2004. 728 p.).
6. Bergson H. *L'Évolution créatrice*. Geneva, 1945, 369 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya*. St. Petersburg, 2016. 383 p.).

7. Bergson H. *Materiya i pamyat'* [Matter and Memory]. Bergson H. *Sobranie sochineniy. T. 1. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya; Materiya i pamyat'* [Collected Works. Vol. 1. An Essay on the Immediate Data of Consciousness; Matter and Memory]. Moscow, 1992. 325 p.

8. Husserl E. *Sobranie sochineniy T. 1. Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Collected Works. Vol. 1. Phenomenology of the Consciousness of Internal Time]. Moscow, 1994. 162 p.

9. Sartre J.-P. *Voobrazhenie* [Imagination]. *Logos*, 1992, no. 3, pp. 98–115.

10. Mamardashvili M.K. *Psikhologicheskaya topologiya puti: M. Prust "V poiskakh utrachennogo vremeni"* [Psychological Topology of the Path: M. Proust: *In Search of Lost Time*]. St. Petersburg, 1997. 568 p.

11. Michaelian K. *Mental Time Travel: Memory and Our Knowledge of the Personal Past*. Cambridge, 2015. 313 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.95

Yana V. Batalova

Lomonosov Moscow State University;

Lomonosovskiy prosp. 27, korp. 4, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0814-1129> e-mail: yanabatalova@rambler.ru

THE ROLE OF IMAGINATION IN THE ACT OF REMEMBERING IN 20th-CENTURY WESTERN PHILOSOPHY

Turning to the works of European philosophy of the 20th century, this article considers the ability of imagination to influence the memory process. It is shown how the concept of memory as a process experiencing certain impact of imagination was developing, i.e. how a memory could be actualized in consciousness. The influence of imagination on cognitive acts was first thematised by I. Kant in his works, where he considers imagination to be an ability to form independent representations of reality. According to Kant, this ability is the key to cognition as such. This paper is therefore prefaced with a short analysis of Kant's ideas, which were later developed by European philosophers. Further, the article presents a comparative review of memory concepts of the 20th century. Their common points are analysed on the basis of H. Bergson's intuitionism, E. Husserl's phenomenology and M. Mamardashvili's philosophy of life. The author attempts to trace the intersection and continuity of the above-mentioned concepts of imagination and memory. This can shed some light on why asserting imagination's importance for memory and analysing the epistemological aspect of this problem allow us to pose such pointed questions as matter–consciousness correlation and the status of memory as a constructed and modified mind experience that is being constantly changed. The paper presents the answers of Bergson, Husserl and Mamardashvili to the question of differentiating between imagination and remembering. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that imagination is inevitably involved in the process of remembering, which gives ground for considering modern generative memory theories (K. Michaelian, I. Hacking, and A. Hamilton) to be the most promising today, as they once again raise the questions of memory's relation to imagination. They also address the possibility of turning to memory as a source of knowledge.

Keywords: *Western philosophy, H. Bergson, E. Husserl, M. Mamardashvili, cognitive act, constructive memory, imagination in the act of remembering.*

Поступила: 25.01.2019

Принята: 26.09.2019

Received: 25 January 2019

Accepted: 26 September 2019

For citation: Batalova Ya.V. The Role of Imagination in the Act of Remembering in 20th-Century Western Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 95–103. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.95